

В. Ю. Даренский

ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ЛУГАНСК, ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

«Диктатура совести»: религиозно-нравственные основания русской государственности в концепции И. Л. Солоневича

Аннотация. В статье рассматриваются религиозно-нравственные основания русской государственности в изложении философа и общественного деятеля И. Л. Солоневича (1891–1953), которые он, вслед за В. С. Соловьёвым, определял как «диктатуру совести». Специфика русской политической традиции, согласно И. Л. Солоневичу, состоит в её принципиальном отличии от европейского феодализма. В Московском государстве отбор правящего класса осуществлялся по нравственным качествам, а народная жизнь была основана на самоуправлении («народной монархии»). Слом этой традиции, осуществлённый Петром I, состоял в подмене нравственного критерия отбора прагматическим, что привело к фактическому разрушению самодержавия и диктатуре дворянства — замене народной монархии европейским абсолютизмом. Единство царя и народа на основе православной веры и Православной Церкви как высшего авторитета в мирских делах и обусловило тот факт, что в России монархия была в первую очередь народной властью, и никогда русская монархия не утверждалась путём насилия над народной волей, в то время как её противники всегда действовали насилием:

убийствами, восстаниями и заговорами. Основанием русской православной монархии был нравственный подвиг народа — его смирение ради свершения воли Божией. Это стало возможным только в России, где сами основатели государства были святыми людьми. Тем самым в Московском православном царстве не было главной для Европы проблемы «контроля» народа над властью, в которой часто монархами были откровенные преступники. В России изначально был заложен принцип абсолютно доверия к власти, всегда оправдывавший себя, и только благодаря которому из маленького Московского княжества была создана великая империя. Как показывает И. Л. Солоневич, очевидная прагматическая эффективность допетровской народной монархии обеспечивалась также и очень эффективной системой самоуправления народа, не имевшей аналогов в феодальной и абсолютистской Европе.

Ключевые слова: диктатура совести, народная монархия, И. Л. Солоневич, самодержавие, Россия, нравственность.

Для цитирования: Даренский В. Ю. «Диктатура совести»: религиозно-нравственные основания русской государственности в концепции И. Л. Солоневича // Ортодоксия. — 2021. — № 4. — С. 238-263. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-238-263

Русское самодержавие — это «диктатура совести», в данном случае православной совести. Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе религиозную совесть народа.

И. Л. Солоневич

В дневнике от 4 апреля 1870 г. Л. Н. Толстой сделал запись о чтении «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёва: «Всё, по истории этой, было безобразно в допетровской России: жестокость, грабёж, грубость, глупость, неумение ничего сделать... Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий

произвели великое единое государство? Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю... Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную, кто сделал, что Богдан Хмельницкой передался России, а не Турции и Польше?» (Толстой 1952: 124). В этом справедливом замечании вскрыта болезнь всей русской западнической историографии — взгляд на Россию как на «недо-Европу», который заставлял видеть в ней в первую очередь негативные, разрушительные процессы и почти «не замечать» позитивные, а тем более не давал увидеть в русской цивилизации её преимущества перед европейской.

Такой «чужой» взгляд на русскую историю, преобладавший в XIX в., стал одним из факторов разрушения русского национального самосознания, основанного на православном понимании России как Третьего Рима и Катехона — Удерживающего мир от прихода антихриста — и подмена его светским «прогрессистским» взглядом, для которого Россия изначально является «отсталой» полуколонией Европы. Такой антиправославный и антинародный взгляд на Россию привёл к самым катастрофическим последствиям, создав антирусскую интеллигенцию, и стал одной из предпосылок захвата России антихристианскими силами в 1917 г. А. С. Панарин указывал на явное противоречие «между научными мифами» и реальной историей России — между величественными результатами реального исторического бытия России и её якобы извечной «отсталостью»; и поэтому, писал он, нам необходимо исследовать «генетические программы, тянущиеся от прошлого к будущему и образующие логику национального бытия» России, чтобы выйти из «роли пассивных адептов чужих теорий и чужого опыта» (Панарин 1998: 112, 117). Эта работа была начата в XX в. многими русскими историками и мыслителями.

Так, выдающийся русский историк Г. В. Вернадский сто лет назад сформулировал тезис, который требует пересмотра многих стереотипов восприятия всей русской истории. Он писал: «Русское искусство, русскую церковь мы готовы признать созданием народного гения. Труднее доступна нам мысль, что всё русское государство — такое же создание русского народа. В этом государстве видят много тёмных сторон — но нельзя же из-за них не замечать могучих творческих сил, направляющих всю его жизнь <...> Внешний рост русского государства являлся лишь подведением итогов народной русской колонизации. И с этой стороны русское государство — плод национального творчества русского

народа» (Вернадский 2006: 124). Речь здесь идёт о периоде Русского Царства и Империи. Такой подход ставит принципиальный вопрос: если русская монархия создана самим русским православным народом, то как в ней выразились её религиозные основания?

Особое значение для ответа на этот вопрос имеет наследие русского мыслителя и общественного деятеля Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), создавшего концепцию самобытных начал русской власти. Согласно этой концепции, в России на протяжении многих веков её самостоятельного развития в допетровскую эпоху был реализован идеал народной монархии, принципиально отличающийся от западной модели сословной монархии (абсолютизма), однако затем Петром I была силой навязана западная модель, которая в конце концов и привела к её крушению в 1917 г. («Великий Пётр был первый большевик» (М. Волошин). И. Л. Солоневич указывает на живучесть в общественном сознании «петровского мифа» как очень вредного и разрушительного явления: «Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения» (Солоневич 2010: 40). Русская политическая мысль, по И. Л. Солоневичу, может быть русской политической мыслью тогда и только тогда, когда она исходит из русских исторических предпосылок.

По определению И. Л. Солоневича, «русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительно и типично русское: “диктатура совести”, как несколько афористически определил его Вл. Соловьёв. Это — не диктатура аристократии, подаваемая под вывеской “просвещённого абсолютизма”, это не диктатура капитала, сервируемая под соусом “демократии”, не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, — это “диктатура совести”, в данном случае православной совести. Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе и религиозную совесть народа, и его политическую организацию. Политической организацией народа, на его низах, было самоуправление, как политической же организацией народа в его целом было самодержавие» (Солоневич 2010: 73–74). «Русский царизм, — писал И. Л. Солоневич в статье “Миф о Николае II”, — был русским царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль.

“Диктатура совести”, как и совесть вообще, — не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, — совесть есть религиозное явление. Одна из дополнительных неувязок русских гуманитарных наук заключается, в частности, в том, что моральные религиозные основы русского государственного строительства эта “наука” пыталась уложить в термины европейской государственной юриспруденции. И с точки зрения государственного права — в истории Московской и даже Петербургской империи ничего нельзя было понять; русская наука ничего и не поняла. В “возлюби ближнего своего, как самого себя” никакого места для юриспруденции нет. А именно на этой православной тенденции и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы какого бы то ни было договора?» (Солоневич 2001: 100).

Из этих определений хорошо видно, что подход И. Л. Солоневича к пониманию сущности русской православной монархии не только принципиально отличается от подхода светских историков, которые исходили из совершенно чуждых европейских понятий «прогресса» и т. п., но и *создаёт русскую парадигму понимания государственности как таковой*. Эта парадигма важна не только для понимания нашего исторического прошлого, так глубоко искажённого чужими взглядами, но и для нашего настоящего и будущего, поскольку, как показывают современные события, русская государственность опять строится на тех же самых нравственно-религиозных основаниях, как и много веков назад. Государство Российское может и не быть монархией по своей внешней форме, но оно не может не быть «диктатурой совести» — в противном случае оно разрушается, несмотря на все свои внешние материальные успехи. Тем самым *концепция И. Л. Солоневича даёт нам универсальную модель русской государственности, конкретные исторические воплощения которой могут быть различными, но её глубинная сущность остаётся одной и той же*. Например, СССР, официально являвшийся антихристианским государством, держался только до тех пор, пока народ продолжал воспринимать его как хотя бы в самой минимальной степени «диктатуру совести», а не «диктатуру пролетариата» — и как только такое восприятие у народа исчезло, это государство стало никому не нужным и быстро разрушилось. Так концепция И. Л. Солоневича очень хорошо объясняет и судьбу СССР.

Изучение наследия И. Л. Солоневича активно ведётся уже много лет. Самый содержательный очерк его взглядов сделан М. Б. Смолиным

(Смолин 2001). Академические учёные акцентируют ценность его исторической концепции и политического проекта будущей России. Так, А. Е. Беляев отмечает: «В итоговом труде “Народная монархия” предпринимает попытку написать историю русского народа, очищенную от интеллигентских и дворянских домыслов. Учение о народной монархии обрело у Солоневича глубокую концептуальную оформленность» (Беляев 2014: 32). Это «подлинное самодержавие, способное защитить народ от диктатуры бюрократии, не мыслилось автором “Народной монархии” без создания политического института народного представительства, представленного Земским собором» на главной основе — «взаимодействия народного представительства и самодержавной монархии» (Беляев 2016: 56–57). Публицистический стиль и «Народной монархии», и других работ И. Л. Солоневича иногда смущает читателей, однако он не противоречит концептуальной ценности его работ. Справедливо отмечается, что «несмотря на всю нелюбовь И. Л. Солоневича к академическому стилю изложения материала, свойственному, например, таким мыслителям, как Л. А. Тихомиров или И. А. Ильин, мы несомненно должны признать, что Иван Лукьянович является выдающимся представителем русской государственно-правовой науки»¹. Публицистичность является лишь внешним средством изложения его идей, поскольку они рождались в контексте острой полемики. Однако эти же идеи можно изложить и в строго научной форме, чем и занимаются современные исследователи творчества И. Л. Солоневича. Такова даже историческая закономерность развития русской философии XIX–XX вв. — начиная от П. Я. Чаадаева и И. В. Киреевского: большинство наиболее ценных философских идей излагалось в публицистической форме чаще, чем в форме академических трактатов. Это связано, во-первых, с тем, что русская мысль изначально была мыслью полемической, отвечавшей на вызов Запада; во-вторых, с тем, что русская мысль изначально была просветительской, то есть обращённой к самому широкому читателю.

Целью данной статьи является исследование важнейшего аспекта концепции И. Л. Солоневича, на который до настоящего времени, к сожалению, мало обращали внимание. Это религиозно-нравственные основания русской государственности, воплотившиеся в «народной монархии»

¹ Сорокин А. И. (2007) Солоневич о монархии как гарантии от бюрократии // Информационное агентство российского имперского союза-ордена «Легитимист». — 2007. — 2 апреля. — URL: <https://legitimist.ru/sight/politics/2010/arxivnyie-novosti/solonevich-o-monarxii-kak-garanti.html> (дата обращения: 20.07.2022).

как универсальном «образце» русской государственности на все времена. Понимание русской монархии как плода народного подвига и народно-го творчества, как выражения православной веры и совести народа — чрезвычайно важно и для понимания исторического прошлого России, и для прогнозирования её будущего.

Концепция «народной монархии» в её нравственном аспекте, основанном на православном мировоззрении народа, уже фактически была сформулирована в классическом труде Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность» в главе «Единение народного идеала с царским»: «Народ в царе призывает Божью волю для верховного устройства земных дел, предоставляя ему для этого всю безграничность власти. Это не есть передача царю народного самодержавия, как бывает при идее диктатуры и цезаризма, а просто отказ от собственного самодержавия в пользу Божьей воли, которая ставит царя как представителя не народной, но Божественной власти» (Тихомиров 1998: 240–241). Как видим, Л. А. Тихомиров определяет *основание русской православной монархии как нравственный подвиг народа — его смирение ради свершения воли Божией*. Естественно, что это стало возможным только в России, где сами основатели государства в лице св. Александра Невского, св. Димитрия Донского, святителя митрополита Алексия и др. были святыми людьми; но и те, кто не причислен к лику святых, отличались личной глубокой воцерковлённостью и праведной жизнью. Тем самым в Московском православном царстве не было проблемы «контроля» народа над властью, которая была главной для Европы, в которой часто монархами были откровенные преступники. В России изначально был заложен принцип абсолютного доверия к власти, который всегда оправдывал себя и только благодаря которому из маленького Московского княжества была создана великая империя. Исходя из реальных результатов исторического бытия России, пишет И. Л. Солоневич, можно утверждать, что «Российская Империя <...> есть результат самой высокой государственной культуры, какая только была на земле со времени падения Римской Империи» (Солоневич 1954: 20).

Этот принцип единства царя и народа, который обеспечивался их православной верой и принадлежностью к Церкви, положен в фундамент понимания основы русской государственности И. Л. Солоневичем. Он писал: «Типично Русскую форму Монархии я называю самодержавием. Это — не абсолютизм, это — по выражению еп. Серафима Троицкого — симфо-

ния совместной работы Церкви, Царя и Народа» (Солоневич 1954: 22). Единство царя и народа на основе православной веры и Православной Церкви как высшего авторитета в мирских делах и обусловило тот факт, что *в России монархия была в первую очередь народной властью*: «Никогда в истории Монархия не утверждалась путём насилия над народной волей. Противники же Монархии всегда действовали насилием: убийствами, восстаниями, заговорами, “изменой и глупостью” во всех их многочисленных видоизменениях» (Солоневич 1954: 16). Поэтому, писал И. Л. Солоневич, «мы говорим о самодержавии Московских Царей, — “самодержавие” с земскими и Церковными Соборами, с Патриархами, со всероссийскими съездами городов, с судом присяжных. “Низы” поддерживали самодержавие всегда, — от Шелонской битвы, через Смутное Время и до Февраля 1917 года, — не “низы” же ездили в Ставку требовать отречения Государя Императора <...> “Самодержавие” есть защита низов, а никак не утверждение привилегий. Великие Князья Московские боролись с уделами, Цари Московские с князьями, от Павла I до Николая II монархия боролась с дворянством» (Солоневич 1954: 22).

Стоит отметить, что и в Европе на вершинах её философской мысли было выработано такое же понятие об идеале власти, хотя в самой Европе оно никогда не было реально воплощено, а в России не только было воплощено, но и долгое время являлось нормой. Так, Г. В. Ф. Гегель в трактате «Система нравственности» писал: «Внешней формой абсолютной власти правительства является то, что оно не принадлежит никакому сословию <...> Это правительство есть абсолютная потенция для всех сословий, поскольку оно находится над ними <...> оно является исключительно лишь всеобщностью по отношению к особенному, и в качестве такого абсолютного, идеального, всеобщего, по отношению к чему всё остальное является особенным, оно есть явление Бога. Его слова суть Божьи изречения, и оно не может являться и быть ни под какой другой формой. Оно есть непосредственное жречество Всевышнего, в святыне которого оно держит с ним совет и получает его откровения; всё человеческое и всякая иная санкция здесь сняты» (Гегель 1978: 350–351). Такая идеальная модель государства не может быть только человеческим установлением, но должна иметь особое благословение Церкви, которое и совершается в чине помазания царя на царство. Царь как человек сам по себе не отличается от других людей (а И. Л. Солоневич даже подчёркивает, что царю лучше быть «средним человеком» для исполнения

своего служения) и может допускать ошибки, совершать грехи и т. д. Но в качестве Помазанника Божьего он для народа становится носителем особого статуса — человека, который отвечает перед Богом за свой народ, и поэтому к его воле нужно относиться как к воле, исполняющей волю Божию. И как показывает исторический опыт чрезвычайно успешного строительства Государства Российского, а также великие достижения России во всех сферах жизни в царский период — от уровня народной нравственности до мирового лидерства в науке и культуре, — этот тип власти был не только самым духоносным, но и самым «практичным». В Европе же он был хорошо разработан в теории — от трактата Данте «Монархия» до упомянутого учения Г. В. Ф. Гегеля, — но реально никогда не воплощался в столь совершенном виде, как в «народной монархии» допетровской России.

Доказательством того, что это было не просто церковное учение, но сама историческая реальность, является тот факт, что в русском народе формировалось понимание царя как носителя сверхзаконной правды, как милующего судии. Именно этот смысл хорошо понимал А. С. Пушкин. Так, Н. В. Гоголь восхищался, «как умно определял Пушкин значение полномошного монарха», передавая следующие слова великого поэта: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним буквальным исполнением закона недалеко уйдёшь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномошной власти. Государство без полномошного монарха — автомат» (Разговоры Пушкина 1991: 174). И даже в послепетровский период такой идеал царя реализовывался в полной мере: например, с середины XVIII в. в России почти отсутствовала смертная казнь (за единичными исключениями), в то время как в Европе в это время почти в каждом городе был штатный палач и казнили даже подростков. При казни нескольких «декабристов» не нашлось во всей России палача, который умел бы вешать, и казнь получилась только со второй попытки. Для сравнения стоит упомянуть, что всего несколько лет спустя в Париже без суда и следствия были расстреляны 11 тыс. участников восстания.

Такое понимание сущности русской православной монархии И. Л. Солоневич определяет как «древнемонархизм» (Солоневич 1954: 29). Для того чтобы увидеть его реальное воплощение, пишет он, нужно от-

правиться «в Москву Алексея Михайловича — где был достигнут апогей нашей внутренней гармонии — не на юридических основах, а на религиозно-нравственных. Постараемся вернуться к принципам Веры, Царя и Отечества и пойдём дальше — к себе домой: к ценностям, проверенным тысячами лет, а не выдуманным <...> Монархия состоит в единоличном выражении идеи всего национального целого» (Солоневич 1954: 22). Единоличное выражение всего национального целого в личности и воле царя обеспечивалось не только особым чином помазания его на царство и его воцерковлённостью как личности, и максимальным со-образованием его личной воли с соборным разумом Церкви как земным хранителем указаний воли Божией, но и вполне земными, прагматическими «механизмами» власти — в первую очередь народным представительством: «Русское Самодержавие — в старой Москве работало рука об руку с народным представительством, с Церковными Соборами, с Земскими Соборами и с Боярской Думой. Реформы Петра I-го покончили со всем этим. Основная ошибка Государя Императора Николая Второго заключалась в том, что вместо Земского Собора был созван парламент (Государственная Дума). В партийный парламент попадают отбросы интеллигенции. Соборы были органическим представительством нации <...> Вся сумма человеческих свобод в России Императора Николая 2-го была значительно больше, чем в Англии м-ра Эттли, и, вероятно, не меньше, чем в Америке м-ра Трумана» (Солоневич 1954: 24). Более высокий уровень свобод в царской России по сравнению с Европой и Америкой обеспечивался внутренним самоуправлением крестьянских общин и городов. В царской России государство вообще намного меньше вмешивалось во внутреннюю жизнь народа, чем это было на Западе; а нерусские народы в Российской империи фактически жили независимо, часто даже не платя налоги.

Народное представительство в виде Земских соборов существовало в Московской Руси в XVI–XVII столетиях. По подсчётам академика Л. В. Черепнина, всего было 57 соборов. Первый Земской собор был созван Иваном IV Васильевичем (Грозным) в 1549 г., а последний большой Земской собор созывался в 1682 г. (Черепнин 1978: 385). Избрание царём Петра I на этом последнем Земском соборе 1682 г. так описано А. С. Пушкиным: «Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил им избрание, и стольники, и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости,

и гостиные, и чёрных сотен, и иных имён люди единогласно избрали царём Петра. Патриарх говорил потом боярам и окольными и думным и ближним людям, и они были того же мнения» (Пушкин 1951: 22). Как видим, в этом Земском соборе, как всегда, участвовали и «чёрни сотни» — то есть простые горожане: ремесленники «и иных имён люди». Но после этого Земских соборов больше никогда не было 240 лет — вплоть до Земского собора 1922 г. во Владивостоке, вынесшего решение о будущем восстановлении царской власти в России после падения власти безбожных большевиков и их наследников. Приморский Земский собор 1922 г. собрал представителей Приморья и беженцев из многих областей остальной России, поэтому символически представлял всю страну. Но основное значение его было не в этом, а в восстановлении государственной монархической традиции: он сознательно повторил деяние Земского собора 1613 г., но без избрания новой династии².

Даже В. О. Ключевский, обычно говоря о старых русских порядках с пренебрежением западника, вдруг совсем меняет тон, когда пишет о Боярской думе, о которой он защитил и свою докторскую диссертацию и поэтому знал этот предмет досконально: «Её строй, авторитет и обычный порядок делопроизводства как будто рассчитаны были на непоколебимое взаимное доверие её председателя и советников, свидетельствовали о том, что между Государем и его боярством не может быть разногласий в интересах <...> Бывали столкновения, но они шли вне Думы и очень слабо отражались на её устройстве и деятельности. Бывали споры, но не о власти, а о деле... Здесь, по-видимому, каждый знал своё место по чину и породе и каждому знали цену по дородству разума, по голове. С виду казалось, что в этой отвердевшей обстановке не было места политическим страстям и увлечениям, ни в какую голову не могла запасть мысль о борьбе за власть и значение. Лица и партии со своими себялюбивыми или своекорыстными помыслами должны были исчезать под давлением государственного интереса и политического приличия или обычая. Таким же характером отличалась и деятельность московских приказов» (Ключевский 1987: 326). Как остроумно отмечает И. Л. Солоневич, «если бы это писал не Ключевский, можно было бы подумать, что мы читаем отрывок некоей политической утопии, рисующей парламентарный рай земной» (Солоневич 2010: 393).

² Даренский В.Ю. К 100-летию Приамурского Земского Собора // Русская идея. — 2022. — 22 июля. — URL: <https://rusidea.org/250969286> (дата обращения: 22.07.2022).

Кроме первых двух важнейших слагаемых народной монархии — совершенства самодержавия, основанного на религиозном служении царя, и совершенства народного самоуправления (соборы, дума, суд присяжных и общинное самоуправление) — третьим слагаемым её было равноправие и самоуправление всех народов, добровольно входивших в состав царской России. Как пишет И. Л. Солоневич, «ни одна нация в истории человечества не строила и не постигла такой государственности, при которой все втянутые в орбиту этого строительства нации, народы и племена чувствовали себя — одинаково удобно или неудобно, — но так же удобно или неудобно, как и русский народ. Если было удобно — было удобно всем, если было неудобно — то тоже всем. Это есть основная черта русского государственного строительства. Она может называться интернационализмом, космополитизмом, универсализмом или “вселенскостью”, но она проходит определяющей чертой через всю русскую историю» (Солоневич 2010: 27–28). Более того, все народы, вошедшие в состав русского царства, а затем Империи, как правило, имели больше выгод от этого, чем сам государствообразующий русский народ. Всё это является прямой противоположностью колониальной политике европейцев, основанной на самой жестокой эксплуатации и геноциде покорённых ими народов. Народы Европы почти полностью истребили коренное население трёх континентов — обеих Америк и Австралии — и этот глобальный геноцид считают «нормой». В этом отношении Россия представляет собой уникальный феномен, который можно назвать «империей-донором» (Даренский 2013).

Этот феномен объясняется не только особым православным воспитанием народа, для которого нет деления народов на высшие и низшие, «цивилизованные» и «нецивилизованные», как это привыкли по-расистски делать европейцы, но и сам принцип монархии, который именно в России, а не в Европе был воплощён в совершенном виде, близком к тому теоретическому идеалу, о котором писали философы. Так, в основе идеального государства, по учению Гегеля, должны лежать нравственные принципы — «такие принципы, как благо государства, счастье своих подданных, всеобщее благосостояние и прежде всего справедливость как таковая. Для того же, чтобы провести эти принципы в жизнь, сделать их реальными, противопоставить их позитивным привилегиям, традиционным частным, корыстным интересам и непониманию толпы, с этой законодательной деятельностью необходимо сочетать власть монарха»

(Гегель 1978: 379). Именно на этом и была основана русская народная монархия.

Но почему именно монархический принцип позволяет реализовать эти нравственные ценности? Как писал Ш. Монтескье, монархическое правление «предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства. Природа чести требует предпочтений и отличий. Таким образом, *честь* по самой своей природе находит себе место в этом образе правления. Честолюбие, вредное в республике, может быть благотворно в монархии; оно одушевляет этот образ правления и притом имеет то преимущество, что не опасно для него, потому что может быть постоянно обуздываемо. Всё это напоминает систему мира, где есть сила, постоянно удаляющая тела от центра, и сила тяжести, привлекающая их к нему. Честь приводит в движение все части политического организма; самым действием своим она связывает их, и каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела стремится к общему благу» (Монтескье 1999: 31). Этот принцип чести — иначе говоря, *нравственного отбора* как правящего сословия, так и вообще образца народа в целом — и есть тот уникальный политический «механизм», которым обладает только монархия по самой своей природе и которой лишены все остальные формы правления. Именно он, а также сам принцип единовластия, стоящего на страже общего блага вопреки частным корыстным интересам, — и определяют все преимущества этой формы правления. Ш. Монтескье полагал, что «как для республики нужна *добродетель*, а для монархии *честь*, так для деспотического правительства нужен *страх*» (Монтескье 1999: 32). В целом эта схема близка к исторической реальности, хотя и с оговоркой: это лишь главные качества, воспитуемые этими формами правления, но это не означает, что в них отсутствуют все другие. В частности, в русской «народной монархии» сам монархический принцип воспитывает честь, народное самоуправление (каждая община является республикой) — добродетель, а враги должны испытывать страх перед Государством Российским и считать его «деспотией», поскольку оно не даёт себя уничтожить. (Характерно, что в стихотворение «Молитва русского народа» (1814) В. А. Жуковского, ставшее гимном Российской империи, сам автор затем добавил слова: «Царствуй на страх врагам, Царь православный!», взятые им из стихотворения А. С. Пушкина (Баранова 2019). Этим раскрывается и внутренний мотив всех тех, кто считает Россию «деспотией» — тем самым

они сами показывают, что являются врагами России как таковой — врагами её силы, а не её «режима».

Однако в европейской мысли, исключая лишь её консервативную часть, со времени Французской революции конца XVIII в. (а подспудно и ещё ранее, начиная с писаний Ж.-Ж. Руссо и др.) утвердилось отождествление монархической власти с «деспотизмом», причём последнему понятию придавался крайне негативный смысл, которого оно не имело в античности. В Европе многие монархии часто приобретали черты деспотии, будучи основанными на незаконном захвате власти и терроре населения — почти все европейские государства прошли через это. Достаточно напомнить, что европейские короли — современники Ивана Грозного — казнили во много раз больше людей, чем он, но даже и не думали каяться в этом, в отличие от русского царя, но наоборот, до сих пор считаются «христианнейшими правителями». Но Иван Грозный был фактически единственным исключением среди всех русских царей, вынужденным подавлять боярскую смуту жестокими методами. В Европе же деспотические методы часто становились нормой, особенно во время религиозных войн и гонений, во время Тридцатилетней войны XVII в. и т. д. В одну Варфоломеевскую ночь католики по приказу короля убили в несколько раз больше людей, чем Иван Грозный за всё своё правление. В России же религиозных войн и инквизиции не было вообще — в том числе и по причине совершенно иной политической культуры православного народа. Поэтому понятие «деспотия» не имеет никакого отношения к русской «народной монархии»; если же сопоставлять её с классической аристотелевской схемой, то ей в наибольшей степени соответствовало бы гармоническое сочетание всех трёх видов государственного устройства. Однако главная суть и предназначение русской «народной монархии» состоит не в этих её внешних формах осуществления, а в её сакральном содержании как священного Царства — Третьего Рима, Катехона («Удерживающего»), который противостоит мировым антихристовым силам. Но И. Л. Солоневич рассматривает в основном только эти практические формы и почти не касается этого высшего, сакрального смысла русской государственности, хотя и упоминает о нём.

Принципиальный тезис И. Л. Солоневича состоит в том, что монархии противостоит вовсе не демократия и республика, а диктатура бюрократии, которая использует внешние республиканские и демократические

формы для легитимации своего господства над народной массой, теряющей всякое влияние на реальную власть. Именно с этой целью разрушаются традиционные монархии — с целью установления диктатуры бюрократии (партийной — в СССР и финансовой — во всём остальном мире), а вовсе не для того, чтобы дать кому-то свободу. Поэтому «представление о том, что именно республиканская форма правления даёт гарантию каких бы то ни было свобод, является чистейшей фантастикой. Самодержавная Москва строилась на лично свободном крестьянстве, республиканская Польша — на крепостном. Венецианская и Новгородская республики строились на беспощадной эксплуатации низов и погибли вследствие отказа этих низов поддерживать эти республики. Гитлеровская Германия законно родилась из республиканской Германии» (Солоневич 2010: 64). Но всё это совершенно не удивительно в силу того, что русская народная монархия всегда является результатом естественного сплочения народа, а не его внутренней борьбы. Этот принцип И. Л. Солоневич полагает и в основу будущего возрождения России: «Мы признаём неизбежность этой борьбы, и мы стремимся иметь Одного Человека, который стоял бы НАД этой борьбой, а не был бы результатом борьбы, каким является всякий диктатор, или бессильной случайностью в этой борьбе, какой является любой президент. Итак, <...> нам необходима законно наследственная, нравственно и юридически бесспорная единоличная монархическая власть, достаточно сильная и независимая для того, чтобы стоять над интересами и борьбой партий, слоёв, профессий, областей и групп» (Солоневич 2010: 64).

И. Л. Солоневич особо подчёркивает, что он не придумывает никаких новых теорий и программ, но всего лишь опирается на исконную русскую государственную традицию: «Я — монархист, — стою на почве тысячи лет реальной и прозаической русской истории. Политики, практики, прозаики — это мы, монархисты. Ибо мы и только мы опираемся на реальное прошлое, а не на шпаргалки о будущем» (Солоневич 1954: 15). Этим он отличается от традиционных политиков-монархистов, которые «хотят видеть в монархии по преимуществу знамя. Я вижу в ней по преимуществу орудие, — самое мощное, каким мы только располагаем в борьбе за возрождение России, — орудие успокоения и упорядочения страны» (Солоневич 1954: 17–18).

Народная монархия в России была уничтожена Петром I: «Старая московская, национальная, демократическая Русь, политически

стоявшая безмерно выше всех современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена до конца. Были упразднены и самостоятельность Церкви, и народное представительство, и суд присяжных, и гарантия неприкосновенности личности, и русское искусство, и даже русская техника (до Петра Москва поставляла всей Европе наиболее дорогое оружие). Старомосковское служилое дворянство было превращено в шляхетский крепостнический слой. Все остальные слои нации, игравшие в Москве такую огромную национально-государственную и хозяйственно-культурную роль: духовенство, купечество, крестьянство, мещанство, пролетариат (посад), были насильно отрешены от всякого активного участия во всех видах этого строительства» (Солоневич 2010: 49).

В частности, «Табель о рангах» Петра I и был такой подменой личностного принципа — отбора по нравственным качествам — новым отбором «по выслуге», по «деловым качествам». Это был не отбор аристократии, а отбор «эффективных менеджеров», «выдвиженцев». Эти люди отбираются не по нравственным критериям и не знают родовой чести — той «породы», которой основана аристократия. Поэтому им уже всё равно, кому служить, лишь бы это было выгодно — и они без зазрения совести убивают царей, устраивают государственные перевороты, заговоры и «революции» под руководством внешних врагов России. Если до Петра I аристократическая оппозиция государю была явлением экстраординарным (Смута имела причиной разрыв династии и внешнюю интервенцию), то теперь возник целый социальный слой, создавший «дворянскую диктатуру». Эта смена принципов отбора правящего сословия сразу же, уже при правлении Петра I привела к невероятной коррупции и хаосу в управлении, а после его смерти — к «диктатуре гвардейской казармы» (И. Солоневич), длившейся ровно 100 лет и едва не закончившейся национальной катастрофой (поскольку если бы удался мятеж «декабристов» в интересах Британии, это привело бы к гражданской войне и распаду Империи).

В свою очередь, на смену очень эффективному институту Боярской думы и Земских соборов пришёл бюрократический искусственный Сенат. В. О. Ключевский писал: «В недостатке подготовки, в привычке вести дела кое-как, в отсутствии служебной дисциплины Сенат показывал пример подчинённому управлению. В Сенате шли ожесточённые раздоры и разыгрывались непристойные сцены <...> Больше того: редкий из сенаторов миновал суда или подозрения в нечистых делах <...> казнокрадство

и взяточничество достигли размеров, небывалых прежде... Пётр терялся в догадках, как изловить казённые деньги, “которые по зарукавьям идут”. Раз, слушая в Сенате доклады о хищениях, он вышел из себя и сгоряча тотчас велел обнародовать именной указ, гласивший, что, если кто украдёт у казны лишь столько, чтобы купить верёвку, будет на ней повешен. Генерал-прокурор Ягужинский, око государево при Сенате, возразил Петру: “Разве, ваше величество, хотите остаться императором один, без подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой”. Пётр рассмеялся и не издал указа» (Ключевский 1989: 180). Создание института фискалов, в которых не было никакой нужды в допетровскую эпоху по причине отсутствия системной коррупции, было следствием не только «недоверия госаппарату», как обычно пишут, но в первую очередь неэффективности самого этого аппарата.

Однако стоит отметить, что эти изменения в послепетровской России носили в целом лишь «верхушечный» характер, поскольку основная масса дворянства ещё воспитывалась по-старому, сохраняла самые высокие нравственные качества и в этом отношении была частью православного народа. Однако не только по нравственным качествам, но часто и по бытовым условиям жизни и службы. Так, в XVIII в. «в Петербурге нередко можно было видеть на карауле с ружьём на плече какого-нибудь князя Голицына или Гагарина... Дворянин-гвардеец жил, как солдат, в полковой казарме, получал солдатский паёк и исполнял все работы рядового. Державин в своих записках рассказывает, как он, сын дворянина и полковника, поступил рядовым в Преображенский полк, уже при Петре III жил в казарме с рядовыми из простолюдинов и вместе с ними ходил на работы, чистил каналы» (Ключевский 1989: 74). Именно такие дворяне и составляли «становой хребет» государства.

Тип политической культуры православной России до настоящего времени ещё не вошёл в научные классификации в рамках политической теории, и поэтому адекватное понимание русской политической истории в период до 1917 г. остаётся невозможным. Политическая культура доверия народа к власти и власти к народу, основанная на их духовном единстве в рамках Церкви, — это культура жизненного подвига на основе евангельского идеала жертвенного служения Правде. Московская Русь была создана живым воплощением такого идеала в лице первых великих князей Московских и их героического народа — и монархия существовала ровно до тех пор, пока воплощение этого идеа-

ла было массовым — вплоть до последнего царя-страстотерпца и новомучеников XX в. Но после высшей, наиболее христианской из всех бывших в истории форм государства как «народной монархии» Россия попала под власть самого жестокого тоталитарного государства, созданного в соответствии с самой радикальной антихристианской идеологией.

Это произошло потому, что разрушение государства шло вовсе не «снизу» народом, а «сверху» — европеизированной интеллигенцией, по той логике, которая была задана Петром I. Как пишет И. Л. Солоневич, «идейная борьба против Веры, против Царя и против Отечества захватила и кафедры, и газеты, и университеты, и сельских учителей, и семинаристов из духовного звания, и артистов из Художественного театра. Честно отсиживались: мужик и штабс-капитан. И тот и другой оказались невооружёнными» (Солоневич 1954: 48). «Революция» 1917 г. творилась агрессивным западническим меньшинством, в то время как «народ безмолвствовал», надеясь, что всё образуется само собой, а также приспособляясь к новой власти. Монархическое сознание народа не было использовано, хотя «в годы Белой Борьбы знамя Монархии могло спасти Россию» (Солоневич 1954: 29), — но «союзники» по Антанте не позволили это сделать, поскольку на самом деле не хотели победы Белых армий, им было намного выгоднее захват России большевиками для её разрушения изнутри. Монархическое сознание народа затем было ловко использовано большевиками для насаждения «культа Сталина» как извращённого проявления монархического сознания. Но, уверен И. Л. Солоневич, монархическое сознание в русском народе неистребимо, поскольку соответствует его «государственному инстинкту». И поэтому в будущей России, пишет он, «решать вопрос о будущем государственном строе России может только всенародное голосование. Мы, монархисты, самым кровавым образом заинтересованы в свободе этого голосования и в свободе слова перед ним. И создание Монархии в России и её воссоздание после периодов всяких “смут” шло всегда путём “всенародного голосования”» (Солоневич 1954: 17).

И. Л. Солоневич видел единственную возможность возрождения России в переустройстве государства на его изначальных основаниях: «Народно-монархическое движение не есть движение “правое”, как не есть и “левое”, оно строится в ином измерении, не в двухмерном мире, где всё поделено на “правое” и “левое”, а в трёхмерном — где есть и более высокое, и более глубокое. Народно-монархическое

движение имеет общие точки с правыми, ибо требует мощной царской власти, но смыкается и с левыми, ибо имеет в виду свободу и интересы народа, массы, а не сословия или слоя. Но если “правые” видят в монархии интересы сословия и слоя, то “левые”, по существу, солидаризируясь с “правыми”, видят в монархии “дворянско-помещичий строй”, следовательно — свободу и интересы народа, принесённые в жертву интересам сословия и слоя. Народно-монархическое движение видит в монархии — в полном соответствии с историческими фактами бытия России — единственную исторически проверенную гарантию и свободы, и интересов народных масс страны» (Солоневич 2010: 24).

Принципиальной ошибкой И. Л. Солоневич считал введение в 1905 г. Думы по образцу западного «парламента» по «партийному» принципу, а не новых Земских соборов по сословно-представительному принципу, которые были в «народной монархии» до Петра I. Л. А. Тихомиров также возмущался: «На каком же основании Россия, двести лет прекратившая практику народно-представительных учреждений, должна их теперь вводить непременно в чужих формах?» (Тихомиров 2003: 461). Оба эти мыслителя убедительно доказывали, что принцип «партии» на самом деле не отражает народную волю, а является ловким изобретением «диктатуры бюрократии», которая под видом партийного представительства узурпирует всю власть. И. Л. Солоневич вообще очень иронически оценивал погоню за новыми западными идеями, которыми до сих пор больна «образованная» Россия и которые всё больше загоняют страну в идейный и политический тупик: «Мы также присутствуем при конце Европы как культурного и политического гегемона мира. А наши “идеологи” всё ещё пытаются заимствовать из Европы все те идеи, которые Европу уже привели к концу» (Солоневич 2010: 29). Всю губительность заимствования западных теорий он сформулировал афористически: «Невооружённая интервенция западноевропейской философии нам обошлась дороже, чем вооружённые нашествия западноевропейских орд. С Наполеоном мы справились в полгода, с Гитлером — в четыре года, с Карлом Марксом мы не можем справиться уже сколько десятилетий» (Солоневич 2010: 51). А уже в начале XXI в. А. С. Панарин с грустью констатировал: «В России так и осталась не проделанной колоссальной важности работа — по реконструкции собственного (восточнохристианского) цивилизационного текста и реинтерпретации всех общественных практик с позиций этого большого текста» (Панарин 2002: 200).

Безусловно, И. Л. Солоневич сделал огромный шаг в этом направлении, и его наследие жизненно важно для современной России.

Но ошибка И. Л. Солоневича — при всей важности его прозрения в сущность русской истории — состоит в односторонней трактовке «Петровской монархии» как якобы «антинародной». На самом же деле в петровской европеизаторской «оболочке» продолжала жить всё та же самая православная Россия. Это доказано самой историей, поскольку именно в «Петербургский период» Россия стала мировой сверхдержавой и сделала православие известным всему миру через русскую культуру. Это была апостольская миссия России, которую она смогла выполнить только благодаря усвоению форм европейской культуры и наполнению этих форм своим русским содержанием. Иначе это было бы невозможно. *Главное достижение И. Л. Солоневича состоит в том, что он первым показал допетровскую Россию в её подлинном лике.*

Действительно, Пётр I мог проводить любые «эксперименты» над страной лишь только потому, что её нравственные ресурсы, накопленные предшествующими царями, были почти безграничны. Но «европеизация» привела к исчерпыванию этих ресурсов и разрушению самого их источника — «народной монархии». Это делало почти неизбежной катастрофу 1917 г. Затем тот же «механизм» расхода невозполнимых человеческих и нравственных ресурсов России в самой варварской форме использовали большевики, что сделало уже абсолютно неизбежным 1991 год — развал России умирающим советским режимом. Большевизм стал лишь самой радикальной формой русского «западничества» и «чужебесия», взращенного и интеллигенцией, и самим государством после Петра I. Соответственно, и изживание этой смертельной болезни большевизма уже в наше время невозможно без уничтожения самого его изначального корня — «западничества» как такового. В настоящее время после серии этих системных разрушений *современная Россия может выжить только путём восстановления внутренней модели «народной монархии» (внешние формы её могут быть различны — одной из них является президентская республика с харизматичным православным лидером).* Тем самым концепция И. Л. Солоневича является чрезвычайно эвристичной для понимания многих «внутренних» процессов как русской истории, так и современности. Позитивная «перекодировка» русского исторического сознания, начатая в XX в. И. Л. Солоневичем и другими православными историками и мыслителями, освобождение его от разрушительного

«вавилонского пленения» западнической историографией является важнейшим фактором возрождения современной России.

Сведения об авторе:

Даренский Виталий Юрьевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного университета, 91031, ЛНР, Луганск, ул. Оборонная, д. 2, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Беляев А. Е. Политическое своеобразие самодержавия в публицистике И. Л. Солоневича и русских консерваторов конца XIX — первой половины XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 14–1. — С. 31–36.

Беляев А. Е. Сравнительный анализ взглядов Л. А. Тихомирова и И. Л. Солоневича на роль народного представительства как политико-правового института // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2016. — № 1(26). — С. 54–57.

Вернадский Г. В. Национальное творчество русского народа (Таврический голос. 1919. 8 (21) декабря. № 112 (262) // Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковедов / С. Б. Филимонов. — Симферополь : ЧерноморПресс, 2006. — С. 122–124.

Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. — М. : Наука, 1978. — 340 с.

Даренский В. Ю. Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации // Международный журнал исследований культуры. — 2013. — № 2(11). — С. 44–51.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Сочинения : в 9 т. — М. : Мысль, 1987. — Т. 2. — 447 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 4 // Сочинения : в 9 т. — М. : Мысль, 1989. — Т. 4. — 398 с.

Монтескье Ш.-Л. О духе законов. — М. : Мысль, 1999. — 672 с.

Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. — М. : Логос, 1998. — 326 с.

Панарин А. С. Страхи властвующих как фактор стратегической нестабильности // Наш современник. — 2002. — № 9. — С. 193–221.

Пушкин А. С. История Петра: Подготовительные тексты // Полное собрание сочинений. — М. ; Л. : АН СССР, 1951. — Т. 9. — С. 5–464.

Разговоры Пушкина / сост. С. Гессен, Л. Модзалевский. — М. : Политиздат, 1991. — 318 с.

Смолин М. Монархизм как любовь. Штрихи к портрету Ивана Солоневича // Наша страна. XX век / И. Л. Солоневич. — М. : Изд-во журнала «Москва», 2001. — С. 5–20.

Солоневич И. Л. Миф о Николае II // Наша страна. XX век / И. Л. Солоневич. — М. : Изд-во журнала «Москва», 2001. — С. 77–106.

Солоневич И. Л. Народная монархия. — М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. — 624 с.

Солоневич И. Л. Что говорит Иван Солоневич. — Буэнос-Айрес : Наша страна, 1954. — 72 с.

Тихомиров Л. А. Народное представительство // Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. — М. : Москва, 2003. — С. 457–465.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М. : Аликс, 1998. — 672 с.

Толстой Л. Н. Записные книжки // Полное собрание сочинений. — М. : Художественная литература, 1952. — Т. 48. — 576 с.

Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. — М. : Наука, 1978. — 418 с.

«Dictatorship of Conscience»: Religious and Moral Foundations of the Russian Statehood According to Ivan Solonevich

V. Yu. Darensky

LUGANSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, LUGANSK,
LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC

Abstract. The article examines religious and moral foundations of the Russian statehood as presented by the philosopher and public figure Ivan Solonevich (1891–1953), who, following Vladimir Solovyov, defined his concept as “the dictatorship of conscience”. From Solonevich’s perspective, the specifics of the Russian political tradition consists in its fundamental difference from European feudalism. In Muscovy, the ruling class was selected according to its moral qualities, and the people’s life was based on the self-government (“the people’s monarchy”). Peter the Great ended this tradition by replacing the moral selection criterion with a pragmatic one, which led to the actual destruction of the autocracy and established the dictatorship of the nobility, substituting the people’s monarchy with European absolutism. Due to the unity of the tsar and the people based on the Orthodox faith and the Orthodox Church as the highest authority in worldly affairs, the Russian monarchy was primarily the people’s power and was never established by violence against the people’s will, while its opponents always employed the violence, i.e. murders, uprisings and conspiracies.

The foundation of the Russian Orthodox monarchy was the moral feat of the people, its resignation for the sake of fulfilling the will of God. This was possible only in Russia, where the founders of the state themselves were saints. Thus, the Moscow Orthodox Tsardom had no problem with the people's "control" over the government, which was so pressing in Europe, where outright criminals often became monarchs. In Russia, the principle of absolute trust in the authorities has always been present and has always proven its worth. Only thanks to this trust a small Duchy of Moscow could grow into a great empire. As shown by Ivan Solonevich, the obvious pragmatic effectiveness of the pre-Petrine people's monarchy was also ensured by a very effective system of the people's self-government, unparalleled in feudal absolutist Europe.

Keywords: "Dictatorship of conscience", people's monarchy, I. L. Solonevich, autocracy, Russia, morality.

For citation: Darensky V. Yu. (2021). "Dictatorship of Conscience": Religious and Moral Foundations of the Russian Statehood According to Ivan Solonevich. *Orthodoxia*, (4), 238-263. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-238-263

About the author:

Vitaly Yu. Darensky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University, 2, Oboronnaya st., Lugansk, Lugansk People's Republic, 91031, e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

REFERENCES:

Beljaev, A. E. (2014). Politicheskoe svoeobrazie samodержavija v publicistike I. L. Solonevicha i russkih konservatorov konca XIX — pervoj poloviny XX v. [The Political Originality of Autocracy in the Journalism of I. L. Solonevich and Russian Conservatives of the Late XIX — First Half of the XX Century]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 14–1, 31–36. [In Russian].

Beljaev, A. E. (2016). Sravnitel'nyj analiz vzgljadov L. A. Tihomirova i I. L. Solonevicha na rol' narodnogo predstavitel'stva kak politiko-pravovogo institute [Comparative Analysis of L. A. Tikhomirov's and I. L. Solonevich's Views on the Role of People's Representation as a Political and Legal Institution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 26(1), 54–57. [In Russian].

Cherepnin, L. V. (1978). *Zemskie sobory russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobors of the Russian State in the 16th–17th Centuries]. Moscow: Nauka. [In Russian].

Darensky, V. Yu. (2013). Imperija-donor: npravstvennyj podvig kak osnova rossijskoj civilizacii [The Donor Empire: A Moral Feat as the Basis of Russian Civilization]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 11(2), 44–51. [In Russian].

Hegel', G. V. F. (1978). *Politicheskie proizvedenija* [Political Works]. Moscow: Nauka. [In Russian].

Klyuchevsky, V. O. (1987). Kurs russkoj istorii. Ch. II [Course of Russian History. Part 2.]. In *Works in 9 volumes* (Vol. 2). Moscow: Mysl'. [In Russian].

Klyuchevsky, V. O. (1989). Kurs russkoj istorii [Course of Russian History. Part 4]. In *Works in 9 volumes* (Vol. 4). Moscow: Mysl'. [In Russian].

Montesquieu, S.-L. (2006). *O duhe zakonov* [On the Spirit of Laws]. Moscow: Mysl'. [In Russian].

Panarin, A. S. (1998). *Revansh istorii: rossijskaja strategicheskaja iniciativa v XXI veke* [Revenge of History: Russian Strategic Initiative in the 21st Century]. Moscow: Logos. [In Russian].

Panarin, A. S. (2002). Strahi vlastvujushhih kak factor strategicheskij nestabil'nosti [Fears of the Rulings as a Factor of Strategic Instability]. *Nash sovremennik*, (9), 193–221. [In Russian].

Pushkin, A. S. (1951). Istorija Petra: Podgotovitel'nye teksty [The History of Peter: Preparatory Texts]. In *Complete Works* (Vol 9, pp. 5–464). Moscow: AN SSSR. [In Russian].

Razgovory Pushkina [Pushkin's Conversations]. (1991). Moscow: Politizdat. [In Russian].

Smolin, M. (2001). Monarhizm kak ljubov'. Shtrihi k portretu Ivana Solonevicha [Monarchism as Love. Strokes to the Portrait of Ivan Solonevich]. In I. L. Solonevich *Nasha strana. XX vek* [Our Country. 20th Century] (pp. 5–20). Moscow: Izd-vo zhurnala "Moskva". [In Russian].

Solonevich, I. L. (1954). *Chto govorit Ivan Solonevich* [What Ivan Solonevich Says]. Buenos Aires: Nasha strana. [In Russian].

Solonevich, I. L. (2001). Mif o Nikolae II [The Myth of Nicholas II]. In *Nasha strana. XX vek* [Our Country. 20th Century] (pp. 77–106). Moscow: Izd-vo zhurnala "Moskva". [In Russian].

Solonevich, I. L. (2010). *Narodnaja monarhija* [The People's Monarchy]. Moscow: In-t russkoj civilizacii. [In Russian].

Tihomirov, L. A. (1998). *Monarhicheskaja gosudarstvennost'* [Monarchical Statehood]. Moscow: Alir. [In Russian].

Tihomirov, L. A. (2003). Narodnoe predstavitel'stvo [People's Representation]. In *Cerkovnyj sobor, edinolichnaja vlast' i rabochij vopros* [Council, Individual Rule and the Labor Issue] (pp. 457–465). Moscow: Izd-vo zhurnala "Moskva". [In Russian].

Tolstoj, L. N. (1952). Zapisnye knizhki [Notebooks]. In *Complete Works* (Vol. 48). Moscow: Hudozhestvennaja literatura. [In Russian].

Vernadsky, G. V. (2006). Nacional'noe tvorchestvo russkogo naroda (Tavricheskij golos. 1919. 8 (21) dekabnja. № 112 (262) [National Creativity of the Russian people]. In S. B. Filimonov *Intelligencija v Krymu (1917–1920): poiski I nahodki istochnikoveda* [Intelligentsia in the Crimea (1917–1920): Searches and Findings of a Source Researcher] (pp. 122–124). Simferopol': ChernomorPress. [In Russian].